КУТУЗОВ в 1812 году

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК"
№ 25—26
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"
МОСКВА — 1942

946

Гиз. № 10966. 50.00

КУТУЗОВ в 1812 ГОДУ

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

Составил М. БУЛАТОВ

Вступительная статья
проф. Н. М. КОРОБКОВА

Москва 1942 г.
Изд-во „Правда“

На обложке: М. И. Кутузов
с портрета работы Бореля

Зам. отв. редактора И. ЕРУХИМОВИЧ

Издательство „Правда" Изд. № 705

А61658 Зак. 1902 Тираж 50 000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. $3^1/_2$. Зн. в 1 п. л. 43 200

Цена 60 коп. Подписано к печати 1/X 1942 г.

Тип. „Красное знамя", Москва, Сущевская, 21

КУТУЗОВ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года

С именем генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова связана одна из самых славных страниц истории русского народа. Народы России и всей Европы обязаны русскому полководцу разгромом Наполеона и крушением его тиранической империи.

Однако этим не ограничивается историческое значение Кутузова. Победа над Наполеоном не может быть объяснена только тем или иным преимуществом русской армии в условиях ведения Отечественной войны 1812 года. Победа русского оружия—результат многих факторов, которые нашли ярчайшее выражение в стратегии — при этом чисто русской — гениального полководца Кутузова.

Уже одно это обстоятельство сделало совершенно неизбежным появление обширной литературы—в частности мемуарной — о Кутузове. Все более или менее

видные современники великого полководца стремились запечатлеть, разумеется, по-своему, образ Кутузова не только как главнокомандующего, но и как военного деятеля, которому пришлось действовать в исключительно сложных условиях и к тому же вести упорную борьбу с дворцовой камарильей и самим царем. Все это накладывало отпечаток на отзывы и оценки деятельности и личности Кутузова.

Восстановить образ любого крупного исторического деятеля лишь по запискам современников практически невозможно. Только сопоставление многих свидетельств и при том в свете критической оценки, основанной на изучении исторических фактов, дает возможность извлечь из мемуарных документов зерно истины, отбросить все субъективные и пристрастные — т. е. неверные — суждения и восстановить подлинный образ интересующего нас деятеля.

Воспоминания, отзывы, записки современников о Кутузове в этом отношении очень характерны. В них можно найти самые противоречивые оценки победителя Наполеона. Александр I, а также Ермолов и близкий к фельдмаршалу полковник (потом генерал) Толь снижали значение Кутузова, чтобы на этом фоне ярче выставить свои действительные, а подчас и преувеличенные заслуги. Энергичный, но сумбурный Ростопчин не мог простить Кутузову, что тот вовсе не считался с его мнением, а Ростопчин без особых на то осно-

в кампании 1812 г. — «Трудно себе представить, — справедливо говорит Л. Н. Толстой, — историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была направлена к одной и той же цели. Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волей всего народа. Еще труднее найти пример в истории, где бы цель, которую себе поставило историческое лицо, была бы так совершенно достигнута»...

Замечательные качества полководца, уменье заранее предусмотреть все возможные изменения в развитии хода событий войны, полностью учесть свои возможности и все допустимые контрмеры противника, Кутузов проявлял задолго до войны 1812 г. Еще в 1799 году Суворов привлекал его к обсуждению плана знаменитого штурма Измаила. Еще более замечательные образцы замысла и осуществления планов кампаний и отдельных операций Кутузов дал в войнах 1805 и 1811 годов. В обстановке этих войн он умел подчинить себе даже ее невыгоды и обратить их против врага. Исключительной способности составить обобщающий план сопутствовал второй момент, вытекавший из первого: редкая способность достичь победы «малой кровью», добиваться ее не простым перевесом сил, жертв, даже технических средств и доблести войск, а сочетанием и обращением против врага всех условий войны, всех ее особенностей. В стратегической системе

Кутузова решало не только столкновение вооруженных масс и не только тактически совершенное использование своих сил. В ходе войны, в которой сражения — узловые этапы, он направлял всю свою энергию к завершительному разгрому предварительно ослабленного и истощенного противника и добивался этого ценой «малой крови», полностью сохраняя боеспособность своей армии.

* * *

В Отечественной войне 1812 года Кутузов принял командование, когда положение на театре войны уже значительно определилось. Опасность была огромна. Армии отступали, противник преследовал их подавляющими силами. Смоленск — «ключ к Москве» — был в руках врага. В тылу формировалось ополчение. Зарождалось партизанское движение. Кутузов поставил своей целью сохранить живую силу армии посредством отступления, при одновременном затягивании противника в глубь страны, истощить его боями и создаваемыми для него условиями. Затем сосредоточенный удар по силам врага, ослабленного неизбежным распылением в пространстве, должен был нанести ему поражение и привести к полному истреблению. Глубоко понимая и зная настроения народа, Кутузов, сам проникнутый «народным чувством», которое, как писал Л. Н. Толстой, он «носил в себе во всей чи-

стоте», пришел к выводу о необходимости вовлечения в войну всех сил народа. В океане народной войны армия завоевателя должна была потерять свою устойчивость. Ее коммуникации, ее снабжение ставились под беспрерывные удары партизан. Все это должно было подготовить победу, вынудить врага к отступлению и привести его к гибели.

Сдача Москвы в первоначальные намерения Кутузова не входила. Он надеялся задержать врага на пути к столице сражением, которое позднее дал у Бородина. Стратегические последствия этой битвы были огромны, и Кутузов был, конечно, прав, когда настойчиво говорил о победе, одержанной у Бородина. Но, поскольку силы врага были здесь лишь надломлены, Кутузов ради интересов России решил временно пожертвовать Москвой, обратить ее в гибельную ловушку для врага. К моменту, когда состоялся знаменитый Совет в Филях, решение было, безусловно, правильно, но оно потребовало от полководца такой уверенности в своих предвидениях, такого чувства ответственности перед своей исторической миссией и такой веры в народ, что было гораздо труднее решиться на этот шаг, чем дать врагу бой под стенами столицы, — как того требовали царь, общество, штаб и армия.

Решение оставить Москву, видимо, наметилось у Кутузова сразу же после Бородина; оно явилось частью

плана, осуществление которого началось знаменитым фланговым маршем через Москву на Тарутино. Ближайшей своей задачей Кутузов теперь считал возможно дольше задержать противника в Москве, в условиях невыносимого для него партизанского окружения, следствием которого должен был явиться голод, и не пропустить его в богатые продовольствием южные области.

То и другое было блестяще реализовано, и Наполеону позднее пришлось признать это. В ходе войны смысл действий Кутузова оставался неясным для победителя Европы; даже русские генералы не понимали этого простого и гениального плана, в котором отступление было началом пути к победе. Завершив эту часть плана отходом к Тарутину, Кутузов в ответ на предложение о мире, привезенное Лористоном, мог спокойно ответить: «Вы шутите, господин маршал. Неужели вы забыли, что мы до сих пор только и делали, что отступали? Война для нас теперь только начинается».

Когда Наполеон оставил Москву, Кутузов выдвинул новую цель — не допустить врага вырваться из опустошенного им же пространства. Это было сделано в упорных боях за Малоярославец и в движении к Полотняному заводу.

В этот период тактика отступления и изматывания противника сменилась исключительным упорством в

противодействии всяким попыткам врага вырваться из предоставленной ему гибельной зоны.

Последующие события протекали в совсем необычных формах. Задачу армии Кутузов сводил к параллельному преследованию противника с нанесением ударов по его отдельным, главным образом отстающим, частям. Условия местности, по которой французам было предоставлено отступать, действия партизан и обусловленный этим жестокий голод входили в план Кутузова как важнейшие факторы гибели врага.

В резерве оставался мороз.

В этот период войны величайший из полководцев Европы оказался в положении раненого, но еще сильного зверя, преследуемого охотником и имеющего надежду на спасение лишь в быстроте бега.

Насколько верны были расчеты Кутузова, показывают цифры: вышедшая из Москвы 100-тысячная армия Наполеона после Дорогобужа насчитывала только 50 тысяч человек, а после Смоленска — едва 36 тысяч. Тянувшиеся позади дезорганизованные части армии оставались жертвой партизан. Когда начались морозы,—последний из учтенных Кутузовым факторов,— от «великой армии» уцелела лишь небольшая часть; ей было суждено перенести и последние ужасы этого отступления. Из армии, численность которой с пополнениями достигала вначале 575 тысяч человек, за пределы России вышло всего *около одной тысячи че-*

ловек, сохранивших военную организацию. Разными путями спаслось и выбралось до 30 тысяч безоружных и обезумевших от ужаса и лишений бывших солдат и офицеров армии Наполеона.

Армия же Кутузова, хотя и весьма истощенная быстротой преследования, подошла к границе в состоянии, позволявшем ей немедленно начать войну за освобождение Европы от ига Наполеона.

* * *

Ученик, воспитанник, преемник Румянцева и Суворова, Кутузов не был только последователем, но и великим продолжателем их дела. В соответствии с особеностями войн, которые он вел, он выработал новую, совершенно оригинальную и глубоко национальную стратегическую систему оборонительно-наступательной войны против подавляющих сил противника.

Современники и ближайшее потомство не сумели достойным образом оценить подлинного величия этого самого русского из русских полководцев. Они были обмануты его флегматичной манерой, за которой скрывалась спокойная, глубокая ясность ума, сдержанность и хладнокровие математического расчета; они видели его добродушную русскую хитрость и не замечали проницательности, способности далеко наперед и правильно предусмотреть ход событий; они отмечали то его равнодушную уступчивость, то непонятное

упрямство и не видели за этим философского пренебрежения к не имевшим существенного значения мелочам, нежелания бороться за невозможное, а вместе с тем непоколебимой твердости в том, что он считал важным, нужным и осуществимым.

В великом мастерстве маневренной войны и в замечательном сочетании двух противоположных стратегических принципов — истощения и сокрушения противника — Кутузов высоко поднялся над уровнем своей эпохи. Он оказался предвестником и выразителем новых, сохранивших действенность и для нашего времени стратегических форм. Стратегия его шире и дальновиднее стратегии Наполеона, современнее ее (с нашей точки зрения). Именно это преимущество, перевес поддержанной народом стратегии Кутузова сказались в факте разгрома им наполеоновской армии в 1812 году, и для нас бесспорно теперь, что ничем другим — ни роком, ни случаем, ни удачей, ни отдельными факторами вроде мороза — разгром этот объяснен быть не может. Он — лишь следствие взаимодействия огромного количества разнообразных причин, увидеть, понять которые, должным образом учесть и управлять которыми в целях победы Кутузов сумел лучше и правильнее, чем Наполеон.

* * *

Задача настоящего сборника — дать характеристику великого полководца в год обессмертившей его имя

Отечественной войны. Составитель сборника стал при этом на путь не механического собирания материала — выдержек из записей современников, — а на путь критического их отбора. Свидетельства, явно искажающие истину, пристрастные в освещении фактов и оценок, устранены. В целях исторической правдивости включены, однако, и некоторые записи лиц, враждебно относившихся к Кутузову, в тех случаях, когда этого рода свидетельства интересны для понимания сложности обстановки, в которой действовал фельдмаршал. Вместе с тем они показательны для характеристики того глубокого разрыва в отношениях к Кутузову, который существовал между верхами государства и армии—с одной стороны, армейскими и народными массами — с другой.

Читатель, несомненно, с интересом ознакомится со всем материалом; при этом он не должен, однако, забывать о глубокой его субъективности и, следовательно, о необходимости критической его оценки.

Проф. Н. М. Коробков

НАЗНАЧЕНИЕ КУТУЗОВА

По получении от Барклая-де-Толли донесения о соединении его со второю армиею (под предводительством князя Багратиона), послан был к нему рескрипт, повелевающий ему действовать наступательно против неприятеля; но вскоре после того получено известие, что Смоленск взят и войска наши отступают к Москве. Известие сие всех потревожило, так что стали помышлять о поручении войск новому военачальнику. Никого не было в виду опытнее и знаменитее князя Кутузова. Государь представил избрание полководца особо собранному на тот раз совету. Совет нимало не колеблясь общим гласом избрал Кутузова, и государь утвердил сие избрание. Кутузов, сопровождаемый народными о нем мольбами, отправился принять главное над войсками начальство.

(«Краткие записки адмирала А. С. Шишкова», СПБ. 1831, стр. 36).

Кандидатами в главнокомандующие были предложены: Кутузов, генерал Беннигсен и граф Пален-отец. Император назначил, хотя и неохотно, генерала Ку-

тузова, только что заключившего перед тем славный мир с турками. Он прибыл к армии, в Царево-Займище 17-го августа; солдаты, офицеры, генералы, народ, города, вся империя была в восторге, что участь России была вверена в опытные и искусные руки этого ветерана.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна»—«Русская Старина», 1900, декабрь, стр. 571).

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было единодушное желание. То, что я знаю об этом человеке, заставляло меня сначала противиться его назначению; но когда Ростопчин, в своем письме ко мне от 5 августа, известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего другого, как сдаться на общее желание. И в настоящую минуту я думаю, что при обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать из трех, одинаково не подходящих в главнокомандующие, генералов того, за которого были все.

(Из переписки вел. кн. Екатерины Павловны с Александром I. Письмо Александра I от 18 сентября 1812 года. — «Россия и Наполеон», М. 1913, стр. 225).

Когда кн. Кутузову поручили начальство над армиею в 1812 г. и когда он, задумавшись, сидел облокотясь, зять его Ф. Опочинин спросил его:—О чем вы задумались? Верно о том, как разбить Наполеона? — Нет, мой друг, я не о том думаю, как бы разбить его, на это надобна такая же армия, как его, а о том, как бы его обмануть!

(Из неизданной части дневника И. М. Снегирева — «Русская Старина», 1912, сентябрь, стр. 372).

Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступительная была, собственно — война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это — и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то — недоставало полководца русского. За то переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиетическую повесть о беспредельном сочувствии, пробуж-

Горбенко

денном в народе высочайшим назначением Михайла Ларионовича в звание главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торга, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили также под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии.

(Ф. Глинка — «Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)». Ч. 1-я, М., 1839, стр. 5—7).

Приезд Кутузова произвел на войска самое благоприятное впечатление, потому что большая часть армии была убеждена в том, что все неудачи происходили от системы отступления Барклая. Последствия показали однако, как спасительно было для России это отступление. Новый главнокомандующий встречен был громким радостным «ура!», когда показался войскам в своем известном костюме, как бы в подражание Суворову. Кутузов был на белой лошади, взнузданной одним трензелем, в сюртуке без эполет, в белой фуражке без козырька, в шарфе через плечо и с нагайкой в руке. Костюм этот, конечно, произвел впечатление на солдат. По всей империи распространилась молва, что над головою маститого вождя парил величавый орел и сопровождал его все время, пока он осматривал войска.

(«Из записок К. Ф. Толя»—«Русский Инвалид», 1859; № 162).

Все жаждали решительного боя, как единой отрады, единого средства победою искупить спасение погибающему отечеству, или пасть под его развалинами.

В таком расположении духа находились войска, как вдруг электрически пробежало по армии известие о прибытии нового главнокомандующего, князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках, от солдата до генерала. Все, кто мог, по-

летели навстречу почтенному вождю, принять от него надежду на спасение России. Офицеры весело поздравляли друг друга с счастливою переменою обстоятельств; даже солдаты, шедшие с котлами за водою, по обыкновению, вяло и лениво, услышав о приезде любимого полководца, с криком: ура! побежали к речке, воображая, что уже гонят неприятелей. Тотчас у них появилась поговорка: «приехал Кутузов бить французов!..»

(«Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И... Р...», т. I, М. 1835. стр. 131—132).

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необходимо нужного и ничего излишнего. Когда светлейший князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! ничего этого не надо!» говорил князь. «Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в походе не о щегольстве думать: ему надобно отдыхать после трудов и готовиться к победе».

В другой раз, увидев, что обоз какого то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу, и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог: скорей придет, больше отдыхать будет!»

Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш батюшка!» говорили солдаты; «он все наши нужды знает, как не подраться с ним, в глазах его все до одного рады головы положить» — Быть великому сражению!

(Ф. Глинка — «Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года». 1821 г., стр. 94).

Известно всем, сколько явление Кутузова в армию ободрило всех. Он прибыл в Царево-Займище и в тот же день уже распоряжался всем так, как будто бы все от него проистекало с начала кампании. Ничто для него не было ново. Он все предугадывал, и был главнокомандующим в полном смысле слова.

(«Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына». К. Военский—Отечественная война 1812 года в записках современников. СПБ. 1911, стр. 68).

БОРОДИНО

Приближаясь к Гжатску, мы узнали о прибытии нового главнокомандующего, и все с нетерпением стали готовиться к битве. Кутузов чувствовал необходимость дать генеральное сражение не доходя до Москвы, тем более, что французская армия во всяком случае должна была терпеть большой урон, которого

ей невозможно было заменить, тогда как мы ежедневно усиливались подкреплениями, подходившими со всех сторон государства. Местом для битвы было избрано Бородинское поле, в девяти верстах от Можайска.

(«Офицерские записки, или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов князя Н. Б. Голицына», М. 1838, стр. 11—12).

Россия чрезвычайно бедна позициями. Там, где еще имеются большие болота, местность настолько покрыта лесами, что трудно найти достаточное пространство для расположения сколько-нибудь значительной массы войск; там, где леса вырублены, между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены, а следовательно, всюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны для обороны. К этому надо добавить, что и в этих местах широкий обзор встречается лишь изредка, так как повсюду разбросаны небольшие перелески. В общем выбор позиций очень стеснен. Поэтому, если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим.

(Клаузевиц — «1812 год», М., 1937, стр. 95—96).

После выбора позиции, рассуждаемо было — в случае отступления — куда идти? Были голоса, которые тогда еще говорили, что нужно идти по направлению на Калугу, дабы перенести туда театр войны, в том предположении, что и Наполеон оставит московскую дорогу и не пойдет более на Москву, а следить будет за армиею через Верею; но Кутузов отвечал: «пусть идет на Москву».

(«Записка о войне 1812 года князя А. Б. Голицына», стр. 68).

Сохранилась легенда — мы, гвардейцы, этого не видели, а нам тогда рассказывали — будто бы в то время, когда Кутузов объезжал армию, орел пролетел над его головою, и что, когда ему это заметили, он снял свою фуражку при заявленном ему победном предзнаменовании.

(«Воспоминания А. С. Норова». — «Русский Архив», 1881, т. III, стр. 187).

В полдень[1] послышались изредка пушечные выстрелы, а за Бородином, по большой дороге, показалась наша кавалерия; она шла на рысях. «Ну, — начали говорить, — видно порядочно прижали сердечных дружков» — и мы с минуты на минуту ожидали увидеть

[1] 24 августа (5 сентября нового стиля).

французов. Но французов мы не видали, а услышали выстрелы чаще и чаще. Объяснилось, что французы напали на Шевардинский редут. Приехал к нашему корпусу фельдмаршал, и расположился на складных креслах между нашей 7-й и 24-й дивизией, обратившись спиной к неприятелю. До этого времени я не видел Кутузова, а тут мы все насмотрелись на него вволю, хотя слишком близко и не смели подходить. Сидел он склонивши голову, в сюртуке без эполет, в фуражке, с казачьей нагайкой через плечо. Из свиты его, генералы и штаб-офицеры стояли по сторонам; ординарцы, вестовые и несколько спешившихся казаков расположились позади. Некоторые из его молодых адъютантов и ординарцев тут же засели в кружок, достали карты и играли в штос, а мы смотрели и смеялись. Пальба беспрестанно усиливалась. Фельдмаршал все сидел в одном положении; часто подъезжали к нему офицеры; он, казалось, что то им коротко говорил, был серьезен, но лицо имел спокойное. Из престарелого вождя как будто исходила какая-то сила, воодушевлявшая смотревших на него. Полагаю, это обстоятельство отчасти входило в число причин, что армия наша, меньшая числом, потерявшая уверенность беспрестанным отступлением, могла со славою выдержать битву с непобедимым неприятелем! Какие думы должны были занимать фельдмаршала! Сразиться вблизи Москвы с великим полководцем, не зная последствий решительного боя!..

Говорят, когда усилилась пальба, Кутузов отрывисто сказал: — «не горячись, приятель».

(Н. Митаревский — «Воспоминания о Бородинском сражении». «Русский Инвалид», 1861. № 119).

Перед центром правого крыла большой Русской линии, у подножия вооруженных высот, немного влево (если смотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере); из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выливались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, через плечо, на мундирном сертуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особливо в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два Донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробною рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты), вероятно только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, тот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему Донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового главнокоман-

дующего. Правый глаз его был несколько прищурен. Всматриваясь внимательнее, вы бы легко заметили, что в нём уже погасла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой в свое время говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полузрячим. Далее, в чертах лица его, овально-продолговатого, особливо если рассматривать его в профиль и преимущественно в подбородке, значительно округленном, находили сходство с очерком лиц фамилии Бурбонов: странное стечение сходств! Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учители пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «можно ли быть любезнее его?» Зная, это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая, которая бы из черт этого лица могла оправдать всеобщую молву (распущенную великим Суворовым),

молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с нагайкой в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что то на песке, а между тем дума полная, высокая сияла на лице его. Если б не легкое, механическое движение правой руки, его можно-бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало... Это началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоняя левое ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот, во всю конскую прыть, прискакал адъютант, сказал слово о Багратионе, другое о французах и Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостию молодого человека, закричал «лошадь!» сел почти не опираясь на скамеечку и, пока подбирал поводья, уже мчался вдоль по линии на левое крыло. Скоро огромный клуб свившегося над окрестностию дыма поглотил главнокомандующего с его великою думою, в которой раз-

вивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: «вот сам Кутузов поехал на левое крыло!».

(Ф. Глинка — «Очерки Бородинского сражения», ч. 1-я, стр. 25—28).

Весь следующий день... был проведен с той и с другой стороны в приготовлениях к новому сражению, которое должно было решить участь Москвы. Дух нашей армии был превосходный. Солдаты, офицеры и генералы горели желанием сразиться с неприятелем, победить его или умереть. Никогда еще воодушевление не было так велико. Кутузов показывался редко, но не упускал случая всевозможными средствами поддерживать бодрость войск.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна», стр. 572).

Перед вечером, во всех полках происходило молебствие о даровании победы православному российскому воинству в предстоявшей битве. Вскоре вышел приказ от главнокомандующего, в котором между прочим было сказано, чтобы все роды войск, во время сражения, подкрепляли друг друга, кавалерия пехоту, а пехота артиллерию; чтобы по нескольку здоровых не отводили одного раненого, и не оставляли бы пустоты в рядах; чтобы резервы употреблялись только по его приказанию, а главнейшее, чтобы старались избегать напрасной стрельбы. Князь Кутузов,

объезжая ряды и, видя бодрость на лицах русских воинов, готовых умереть за отечество до последнего, говорят, сказал окружающим: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать». — Русских сил, точно было недостаточно... Впрочем, наше неравенство сил заменялось любовию к отечеству и жаждою мщения.

(«Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год, Артиллерии подполковника И... Р...» т. I, М. 1835, стр. 139—140).

Перед зарею 26-го августа, когда свет еще не боролся со тьмою, Кутузов, не предупредив никого в своей главной квартире, сел верхом на лошадь, и поехал на батарею, за деревнею Горками. Остановясь на возвышении, он обозревал, при свете догоравших бивачных огней, бранное поле и армию, становившуюся в ружье. Вскоре собрались вокруг него адъютанты, офицеры его штаба и несколько генералов, начальствовавших войсками, стоявшими близ Горок. Кутузов говорил с ними о предстоящем бое.

При первых лучах солнца Наполеон одновременно атаковал наше левое крыло и центр. Вскоре сражение сделалось общим.

(А. И. Михайловский-Данилевский — «Император Александр I и его сподвижники». Военная галлерея Зимнего дворца, т. III, СПБ., 1846, стр. 38).

Европа очами сынов своих убедилась в Бородинѣ, что русские могут скорее пасть с оружием в руках, нежели остаться побежденными. И вождем, достойным такого воинства, являлся Кутузов в Бородинской битве! Хладнокровие ни на минуту не изменяло ему. С великим искусством противодействовал он усилиям Наполеона. Куда Наполеон ни замышлял обрушиться, где ни думал сломить русских, везде, во время, в урочную пору, подоспевали подкрепления нашим войскам. Удостоверясь при начале сражения, в нападении превосходных сил на князя Багратиона, Кутузов подкрепил его кирасирами, гвардиею и артиллериею. Когда Понятовский стал теснить Тучкова, подоспел Багговут. Когда корпус Раевского был расстроен, на смену его явился граф Остерман...

Забудем ли в жизни Кутузова ту роковую минуту, когда, осадив наше левое крыло, Наполеон послал свежие войска и гвардию свою нанесть нам решительный удар? Кутузов сел на лошадь и быстро взъехал на пригорок, желая ближе высмотреть движения неприятелей. Ядра осыпали Кутузова, и тщетно уговаривали его не подвергать опасности жизни своей... Насильно увлекли с пригорка лошадь его, но светлая мысль уже созрела в уме Кутузова.

Немедленно велел он Милорадовичу усилить центр, а кавалерийскому резерву Уварова и казакам Платова произвести нападение в левый фланг Наполеона. Подкрепленный Милорадовичем, центр наш

устоял, а атаки Уварова и Платова произвели невыразимую тревогу на левом крыле и в тылу Наполеона.

(А. И. Михайловский-Данилевский — «Император Александр I и его соподвижники», стр. 39).

Главнокомандующий князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствует себя пораженным, и избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но ослабевая от истекающей крови, в глазах их едва не упадает с лошади. В мгновение пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство — отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее не иначе, как отдаля на выстрел, возможно было привести в порядок.

Прибыл с донесением к князю Кутузову полковник князь Кудашев и обстоятельно представил положение 2-й армии.

Князь Кутузов дал повеление корпусу графа Остермана итти туда поспешнее и соединиться с корпусом Багговута, не задолго перед сим посланным; отправлены полки гвардейской пехотной дивизии. Ге-

нералу-от-инфантерии Дохтурову поручил начальство над войсками 2-й армии и всеми вообще находящимися на левом крыле. Мне приказал отправиться немедленно во 2-ю армию, снабдить артиллерию снарядами, в которых оказался недостаток. Удостоил меня доверенности представить ему замечания мои, если усмотрю средства полезные в местных обстоятельствах настоящего времени.

(«Записки генерала А. П. Ермолова в отечественную войну 1812 года» — «Русская Старина», 1912, август, прилож. стр. 67—68).

Когда князь Кутузов узнал о ране князя Багратиона, то он послал на левое крыло армии герцога Виртембергского, чтобы он осмотрел, что́ там происходило, и донес бы ему об оном. Герцог по прибытии своем туда приказал войскам отступать, но едва фельдмаршал сие заметил, как пришел в ярость и, послав за ним нескольких адъютантов, начал громко и при всех поносить его самыми бранными словами. Это продолжалось до тех пор, пока он увидел возвращающегося к нему герцога, и тогда, вдруг переменя и голос и вид, он начал в самых учтивых выражениях просить его, чтобы он от него во время сражения не отъезжал, потому, что советы его высочества были для него необходимы. Можно легко судить, что после ругательств, произнесенных Кутузовым в присутствии многочисленной его свиты, герцог

него с потупленным взором; они в первый раз, видя его, не кричали ура. Посвятив пятьдесят лет на служение отечеству в поле, в советах и в посольствах, он ценил, конечно, более всех потерю Москвы, потому, что кто лучше его мог знать, сколь она необходима для славы России, для красы ее и благоденствия.

(«Записки неизвестного о сдаче Москвы» — Военский К. — «Отечественная война 1812 г. в записках современников». 1911, СПБ., стр. 85).

Русские за Москвою; полки неприятельские в Москве; Наполеон перед Москвою. Кутузов за заставою сидел на дрожках, погруженный в глубокую думу. Полковник Толь подъезжает к русскому полководцу и докладывает, что французы вошли в Москву. «Слава богу, — отвечает Кутузов: — это последнее их торжество». Медленно проходили полки мимо вождя своего. Как переменились лица русских воинов от утра до вечера! По-утру отуманены были их взоры, но уста безмолвствовали. Вечером гневная досада пылала в глазах их, и из уст исторгались громкие вопли: *«Куда нас ведут? Куда он нас завел?»* Облокотившись правою рукою на колено, Кутузов сидел неподвижно, как будто бы ничего не видя, ничего

не слыша и соображая повестку: *«Потеря Москвы не есть потеря отечества!»*.

(С. Н. Глинка — «Записки о 1812-м годе», СПБ. 1836, стр. 72—73).

ОТ МОСКВЫ К ТАРУТИНУ

Князь Кутузов понял, что самое существенное заключалось в том, чтобы позаботиться о прикрытии южных губерний, как самых плодородных, и, не имея возможности направиться по Калужской или Тульской дорогам, которые неприятель мог легко ему загородить, он решился выйти через Коломенскую заставу. Весьма вероятно, что уже с этой минуты он обдумывал тот величественный переход, который он исполнил несколько дней спустя и который положил конец бедствиям России.

(Д. П. Бутурлин—«Кутузов в 1812 году».—«Русская Старина», 1894, октябрь, стр. 208).

Задуманное знаменитое фланговое движение Кутузова с Рязанской дороги на Калужскую, до приведения его в исполнение, хранилось только в голове Кутузова, и только со второго перехода по Рязанской дороге, когда французы уже убедились, что он идет на Коломну, он под строгою тайною открыл одним корпусным командирам (которые долго не понимали

этого движения) весь свой план. Дойдя до Боровского перевоза у Москвы-реки, Кутузов быстро повернул со всею армией по проселочной дороге к Подольску, к ночи вышел форсированным маршем на большую Тульскую дорогу и расположился у Подольска. Темная ночь освещалась по всему небосклону заревом пылающей Москвы: это зрелище красноречивее всяких воззваний закаляло в сердцах солдат мщение. Тут армия имела дневку, и на другую ночь та же Москва продолжала ей светить своим пожаром. 7-го сентября армия довершила свое фланговое движение, ступив, у Красной Пахры, на старую Калужскую дорогу.

(«Воспоминания А. С. Норова», стр. 209).

Кутузов назначил движение армии с Рязанской — прямо на Калужскую дорогу. На Тульской дороге армия должна была остаться только для ночлега у Подольска. Один только Бенигсен затевал удерживать Тульскую дорогу в невозможной для обороны позиции у Подольска. Сомнения нет, что в Кутузове уже в Филях залегла тайная мысль идти с Рязанской — на дорогу Калужскую, когда на его вопрос генер.-инт. Ланскому: «Куда идут из России запасы к армии? — получил ответ: «в Калугу!» — Отступить же из-под Москвы непосредственно по Калужской дороге было невозможно, потому что мы несли бы на

плечах всю армию Наполеона и были бы непременно разбиты.

(Замечания А. А. Щербинина... — «Чтения в Имп. общ. Истории и древностей Российских» 1912 год, кн. 4-я, отд. II, стр. 9).

Длинный переход от Кулакова до Подольска продолжался в течение целого дня. Будучи отправлен к Милорадовичу, я догнал главную квартиру на привале, под вечер, уже в деревне Ломе. Первый раз зарево Москвы было нам так видно; Кутузов сидел и пил чай, окруженный мужиками, с которыми говорил. Он давал им наставления, и когда с ужасом говорили они о пылающей Москве, то, ударив себя по шапке, сказал: «Жалко это правда, но подождите, я ему голову проломаю». Кутузов на другой день старался собрать усталых и, не дожидаясь более одних суток, перешел в Красную Пахру, на среднюю Калужскую дорогу, где начинается целый ряд достопамятнейших событий кампании сей. В Пахре главная квартира была несколько дней; тут расстался с армией Барклай де-Толли, на место которого назначен был Тормасов.

Всякий раз, просыпаясь, Кутузов спрашивал: «А что? неприятель где? не видать еще его?» На третий день после свидания с корпусными командирами он был весьма весел, ибо они донесли, что собраны

все усталые, что все в полках в порядке. Ему подана за обедом прекрасная уха из стерлядей.—«Откуда рыба эта?» — спросил он. — «Калужские купцы прислали, — был ответ, — и обещались доставлять такую каждый день». — «Ну спасибо им. Видно, что мы теперь дома, у себя».

(«Записка о войне 1812 года кн. А. Б. Голицына», стр. 71).

Переправившись через реку Москву у Боровского перевоза, своротили мы с большой дороги и потянулись направо. Опять произошло недоумение — куда нас ведут? Впрочем, скоро все начало объясняться; а когда пришли в город Подольск, где фельдмаршал сделал смотр армии, то стали уже говорить с уверенностью, что идем на Калужскую или даже Смоленскую дорогу отрезывать путь французам. Все обрадовались. «Так вот зачем отдали французам Москву!... Это их нарочно заманили в западню!» Начали расхваливать фельдмаршала на разные лады; солдаты даже не слишком и деликатничали: «Ай-да старик Кутузов! Поддел Бонапарта, как тот ни хитрил!.. Кутузов — тертый калач, Кутузов — старый воробей!..» и тому подобное.

(Н. Е. Митаревский—«Воспоминания о войне 1812 года». М. 1871, стр. 91).

...Затем Коновницын пошел доложить обо мне фельдмаршалу Кутузову, который приказал призвать меня в свой кабинет, где был собран в это время военный совет, состоявший из генералов Бенигсена и Барклая де-Толли, генерал-квартирмейстера Толя и полковника князя Кудашева, зятя главнокомандующего[1]. Князь Кудашев прежде всего заставил меня объяснить ему положение наших аванпостов, а равно и неприятельских войск, после чего начали рассуждать о том, что надлежало нам делать. На замечание кого-то, что мы рискуем быть обойденными, фельдмаршал ответил:

— Дело идет уже не о том, чтобы узнать, будем ли мы обойдены; ясно, что мы обойдены уже. В настоящее время нам необходимо принять меры, чтобы не быть отрезанными.

Тут Барклай предложил отвести армию по направлению к Калуге и спросил у Толя, не имеется ли для занятия какой хорошей позиции позади Чирикова. Генерал-квартирмейстер отвечал, что он уже исследовал всю местность до Воронова, но что там нет ни одной позиции, на которой можно было бы удержаться.

— В таком случае, — возразил Барклай, — отступим еще далее.

До этого времени совещание происходило с боль-

[1] Совет был созван Кутузовым, когда Мюрат обнаружил русскую армию и стал теснить ее арьергард.

шим спокойствием и вполне благопристойно, но предложение Барклая раздражило Бенигсена; в порыве гнева он вскочил с своего стула и стал прохаживаться по комнате своими длинными ногами, плюя, как никогда, и постоянно повторяя:

— Еще отступать, всегда отступать; хорошо известно, что господин Барклай очень любит отступления.

По взбешенному виду Бенигсена я подумал, что он поколотит бедного Барклая, который, совершенно ошеломленный его выходкою, принял еще более растерянную позу, чем обыкновенно, и состроил такую жалкую и несчастную физиономию, что возбудил во мне сомнение. Он несколько раз раскрывал рот, чтобы говорить, но постоянно мог только произнести: В а ш е п р е в о с х о д и т е л ь с т в о... Бенигсен всякий раз прерывал его целым потоком брани. Наконец, фельдмаршал, наскучивши этой сценой, решил положить ей конец. Заморгав своим единственным уцелевшим глазом, он сказал Бенигсену:

— Зачем вы горячитесь, любезный генерал. Вы знаете, как я вас люблю и уважаю. Вам стоит только высказать нам ваше мнение, и мы с ним согласимся.

Несколько смягченный, Бенигсен подошел к столу, но, возвращаясь к своему месту и проходя мимо Барклая, он не мог воздержаться, чтобы не сказать ему еще:

— Что, отступать! Я думаю, что вы очень недовольны, генерал, что у вас нет еще другой Москвы, которую можно было бы отдать неприятелю.

Получив от фельдмаршала вновь приглашение высказать свое мнение, Бенигсен предложил дать сражение неприятелю.

— Вот что хорошо, так хорошо, — возразил фельдмаршал, — все, что вы говорите, так разумно, что ничего другого не остается, как всегда соглашаться с вашим мнением. Ну-с, господин Толь, сделайте ваши распоряжения, согласно приказаниям генерала.

В четверть часа была составлена диспозиция. Генерал Милорадович, находившийся с 8-м пехотным корпусом на Десне, и Раевский с своим 7-м пехотным корпусом должны были отступить к Красной Пахре, чтобы здесь совокупными силами защищать проход с Пахры на большую Московскую дорогу в то время, как главная армия, покинув свою позицию у Красной Пахры, спустится по правому берегу Пахры, чтобы атаковать и отбросить к Подольску все неприятельские войска, находившиеся на правом берегу Пахры. Движения эти должны были произойти на следующий день, на рассвете. По прочтении этой диспозиции, фельдмаршал тотчас же приказал снять с нее копию и, вручая мне ее, сказал:

— Отправляйтесь, молодой человек, отвезите это генералу Раевскому.

Так как уже было 10 часов вечера, я поспешил

вернуться в Пыхчево, чтоб сообщить все эти новости Раевскому, который был ими крайне удивлен. Я сам был немало изумлен, видя влияние, которое Бенигсен оказывал на фельдмаршала; я совершенно не знал, что все это было не что иное, как шутка для развлечения пылкого старика и что все то, что было решено в совете, будет переделано в дружеском интимном кружке. И действительно, в полночь мы получили новый приказ, которым нас извещали, что сражение не состоится, но что мы все-таки должны прибыть в Красную Пахру, чтобы прикрывать отступление армии.

(Д. П. Бутурлин — «Кутузов в 1812 году», стр. 214—216).

Чернышев сказывал мне, что он был послан государем из Петербурга к князю Михаилу Ларионовичу (Кутузову), с общим планом военных действий, который он, как известно, привез в Красную Пахру. Он имел приказание сказать фельдмаршалу, что император предоставляет совершенно на волю его следовать сему плану или оного не принять. Светлейший был совсем согласен с мнением его величества, хотя прежде получения плана он не имел намерения соединить в тылу неприятеля армии Чичагова и Тормасова, а полагал Дунайскую армию притянуть к себе, о чем и послал ей предписание, на основании коего адмирал[1]

[1] Чичагов.

сделал уже несколько маршей, а Тормасова употребить для того, чтобы не допустить Шварценберга и Ренье соединиться с главными неприятельскими силами.

(Из воспоминаний А. И. Михайловского-Данилевского. — «Русская Старина», 1897, ноябрь, стр. 344).

После отступления нашего от Москвы, во время бессмертного бокового движения с Рязанской дороги на Калужскую, приезжали к Кутузову посланные из разных губерний, узнавать о происходившем в армии и дальнейших ее направлениях. Кутузов принимал посланных с обворожительною лаской и, видя из слов их справедливое желание иметь сведения о военных действиях, решавших участь отечества и каждого русского, вознамерился успокоить жителей всех губерний. С сею целью он приказал мне составлять так называемые «Известия из армии», печатать и рассылать их через каждые три дня во все губернии, в великом количестве экземпляров. Первое такое Известие, обнародованное при вступлении нашем на Калужскую дорогу, имело огромный, желанный Кутузовым успех, убедив Россию в выгодном положении нашей армии, ибо, по совершении бокового движения, успех войны начал склоняться на нашу сторону. Во втором Известии Кутузов приказал мне упомянуть о какой-то победе, одержанной тогда Веллингтоном в Испании. Говоря о сем поражении

французов, я написал: «Враги наши гибнут на юге Европы, между тем, как в отечестве нашем отверзты для них верные гробы: ни один враг не вырвется из России; все положат здесь свои кости». Кутузов приказал мне вычеркнуть слова сии, сказав: «Я не пророк: за будущее не ручаюсь. Не забывай, мы имеем дело с Наполеоном, и если нас ожидают неудачи, твое пророчество будет с моей стороны пустым хвастовством».

Постигая воинский гений Наполеона, Кутузов очень высоко ценил необыкновенные дарования своего знаменитого противника, и не позволял мне употреблять оскорбительные против него выражения. Признаюсь, запрещение мне было крайне прискорбно; разделяя общие тогда всем русским чувства, я пламенел ненавистью к Наполеону. Не взирая на запрещение, поместил я однажды в Известиях из армии бранное слово о Наполеоне. Читая мою рукопись, Кутузов сказал мне сердито: «Сколько раз приказывал я тебе, молодой человек, быть скромнее в выражениях. Как смеешь ты говорить таким образом о первом полководце нашего века?»

(А. И. Михайловский. — «Анекдоты о Кутузове». — «Русский Инвалид», 1843, № 3, стр. 11).

ТАРУТИНО

Из Красной Пахры Кутузов начал отступать к Тарутину, имея в виду собраться с силами, дать время

разгореться народной и партизанской войне, и особенно, по любимому его выражению, «усыпить Наполеона в Москве».

Сентября 20-го Кутузов вступил в Тарутино. Обозрев местоположение, он остановился на крутом берегу Нары и, предрекая будущее, сказал:

— «Теперь ни шагу назад».

В Тарутинском лагере встретили Кутузова депутаты от Калужских граждан, с хлебом и солью. Они предлагали ему услуги и пожертвования, представляли об опасности, угрожавшей городу их и говорили о принятых ими мерах осторожности.

(А. И. Михайловский-Данилевский—«Император Александр I и его сподвижники», стр. 43—44).

Теперь достопамятный представить нужно лагерь с позициею при Тарутине, который при речке на высотах. Вдали, верст за шесть от Тарутина, по дороге от Воронова, есть высота, которая покажет довольно хорошо высоты Тарутинские и даже лес на нашем левом фланге, который укреплен засеками, батареями и занят 10 полками егерей. С сей горы неприятель увидел в первый раз, что мы его ждем, а может, и получил предчувствие, что от сего места и часа пойдет ему худо.

Авангард наш был верстах в пяти от лагеря армии.

В Тарутине под горой недалеко от реки Нары на правой стороне мужичий дом, где фельдмаршал принимал Лористона, но его квартира была в Леташевке, 3 версты от Тарутина. В сей достопамятной избе, приезжая из губерний и провинций, депутаты, также и разные граждане всякого рода и состояния, толпились и спрашивали у главнокомандующего приказ на пожертвования имуществами своими.

(«Воспоминания П. П. Коновницына», стр. 128—129).

При тарутинском лагере в деревне Леташевке, где с разных сторон приходят резервы, казачьи полки, пушки, запасы, у избы фельдмаршала он стоит сам, мимо его войска проходят; у избы его люди разного рода толпятся к нему: дворяне, купцы с образами, хлебом солью, духовенство, мужики падают к ногам его, просят оружия... жены, и дети, ограбленные злодеями, просят помощи и защиты. Тут приводят разного рода пленных: кирасир в латах без шишаков и всякия нации, где можно их представить в 21 костюме по нациям.

(«Воспоминания П. П. Коновницына», стр. 132).

На другой день службы моей при Кутузове, я принес к нему в 7-мь часов вечера (это было обыкновенное его время — после обеда и сна заниматься бумагами) нужнейшие бумаги; их было не более 10 и

коротких, по 20—30 слов. Он все выслушал, одобрил и стал уже подписывать. Но от утомления или от каприза велел в одной добавить два слова «заковать в кандалы». Я счел неприличным помещать сверху эти слова от фельдмаршала и хотел бумагу переписать. Но он, вырвав ее у меня из рук, сказал: «Ты не хочешь — я сам напишу». Трепет пробежал по всем моим костям, и я не смел перевести дыхания, хотя, по воле его, и сидел прямо против него. Кутузов, нанеся на 10 бумагах 10 «Кутузовых», откряхтелся, отдохнул, пришел в себя и отпустил меня с такою отеческою попечительностью, что я не знал цены его милостям. С сей минуты я не знал при нем огорчения и не слыхал ни одного слова, которое бы оскорбило слух или чувство мое.

(«Мой век или история генерала С. И. Маевского». — «Русская Старина», 1873, август, стр. 155).

Сентября 23-го по-утру, Кутузову доставили письмо маршала Бертье, извещавшего о желании Наполеона отправить к нашему Главнокомандующему генерал-адъютанта графа Лористона, с важными поручениями. Кутузов послал князя Волконского — ныне министра высочайшего Двора — в передовую цепь, узнать о цели посольства Лористона, и если нужно, привезти Лористона в Тарутино. В ожидании посла, князь Кутузов принарядился. Обыкновенно он был в сюртуке,

нося через плечо нагайку и портупею, но, готовясь принять Наполеонова посла, он надел мундир и, выйдя на улицу, сказал нам: «Господа! Может быть, с Лористоном приедут французские офицеры; прошу вас ни о чем другом не говорить с ними, кроме о дожде и погоде». Армии велел Кутузов разложить множество огней. Казалось, в лагере стояло 200, или более тысяч человек. Некоторые полки были переведены с одного места на другое, в намерении скрыть от Лористона настоящее положение войск, и размещением их на обширном пространстве дать вид многочислия. Людям велено было варить кашу с мясом и петь песни, сопровождаемые музыкою. Солдаты торжествовали, как победу, известие, что Наполеон шлет посла, и догадывались, что враг принужден просить мира. Среди шумного веселия войск и бесчисленных огней, князь Волконский и Лористон ехали мимо биваков в Тарутино, куда прибыли в 10½ часов вечера. Кутузов пригласил Лористона в избу свою и остался с ним вдвоем.

(А. И. Михайловский-Данилевский — «Император Александр I и его соподвижники», стр. 44).

Приехал в Тарутино Лористон с предложениями о мире. Кутузов поехал наперед в ту избу, в которой назначено было принять его. Лористон прибыл в сумерки в крытых дрожках. Кавалергардского полка

поручик Михаил Орлов сопровождал его. Мы в первый раз увидели Кутузова в мундире и в шляпе. Эполеты он попросил у Коновницына — его собственные ему казались не довольно хороши. Но и Петр Петрович был не франт, лучше бы обратиться к Милорадовичу.

С улицы видны нам были сквозь окна освещенной избы, сидевшие у стола, друг перед другом, Лористон и Кутузов. Последний делал большие движения руками, полагать должно, говорил горячо. Мне потому казались несправедливы прошедшие в главной квартире слухи, что Кутузов, по свойственной ему хитрости, обнадеживал Лористона вероятностью принятия со стороны государя мирных предложений. Напротив того, когда Кутузов приехал вторично в Тарутино перед сражением с Мюратом, то, входя в избу, где он принимал Лористона, он сказал: «Вот здесь я говорил Лористону, что мы никогда не согласимся на мир».

(«Записки А. А. Щербинина», стр. 35—36).

Вечером фельдмаршал Кутузов пригласил герцога Виртембергского и меня присутствовать при свидании с Лористоном, которому он хотел показать, кем он окружен в своем совете. По прибытии Лористона *с завязанными глазами,* около 11 часов ночи, он был введен в избу фельдмаршала, который познакомил его с находившимися там генералами. Впоследствии Ло-

ристон говорил, что при имени английского генерала, он немедленно понял, откуда вышло препятствие к исполнению первоначально-предположенного свидания.

После небольшого общего разговора все вышли, оставив фельдмаршала наедине с посланным; но мы оставались вблизи и видели по телодвижениям фельдмаршала, что разговор, с его стороны, был очень оживлен, и что Лористон вручил ему письмо от Наполеона к императору Александру.

Полчаса спустя, фельдмаршал позвал князя Волконского, а с четверть часа потом, генерал Лористон вышел с очень недовольным видом; всякий мог с удовольствием заметить, что ожидания его не исполнились. Когда мы вошли, фельдмаршал рассказал нам, что произошло между ними.

Лористон начал жалобами на жестокость русских с французами. Фельдмаршал сказал на это, что он не мог в три месяца образовать народ, который считает врага хуже чем ордою татарских хищников под предводительством Чингис-хана.

«Согласитесь однако, отвечал Лористон, что есть несколько разницы.» — «Может быть, возразил фельдмаршал, но не в глазах народа; я же могу отвечать только за поведение своих войск». На них Лористон не имел никаких жалоб.

Потом, упомянув о перемирии, он сказал: «Сама природа, в скором времени, вынудит перемирие». Фельдмаршал отозвался неимением полномочия на этот

предмет, и сказал: «Если б я дал вам перемирие на шесть дней и, шесть месяцев спустя, был бы заключен мир неблагоприятный для империи, я был бы сочтен его причиной, и мое потомство подверглось бы проклятию. Это необыкновенная война, милостивый государь! Она должна иметь решительные последствия. Мы не стали бы переговариваться о мире, если бы даже были оттеснены за Волгу». Продолжая говорить о перемирии, Лористон сказал: «Вы не должны думать, что мы желаем его потому, чтобы *наше* положение было безнадежно. Наши войска почти одинаковы. Правда, вы ближе нас к своим запасам и подкреплениям, но и к нам подходят подкрепления. Может-быть вы слышали, что наши дела плохи в Испании?» — «Слышал, отвечал фельдмаршал, от сэра Роберта Вильсона, которого вы сейчас видели при мне, и с которым я ежедневно вижусь». — «О! возразил Лористон, Вильсон может иметь причины преувеличивать свои известия». «Никаких, сказал фельдмаршал, он мне говорит дело так, как оно есть, со всею откровенностию искренности». — «Действительно, продолжал Лористон, благодаря *глупости* (bêtise), маршала Мармона, мы понесли поражение и *покуда* (en attendant), Мадрид занят англичанами; но их скоро прогонят и все будет приведено там в порядок многочисленными войсками, которые идут туда». Потом он опровергал мнение, будто бы Москва сожжена французами, и обвинял губернатора в этом по-

ступке, заметив: «Это так несвойственно французскому характеру, что если бы мы взяли даже Лондон, то не сожгли бы».

Главный предмет домогательств Лористона заключался в перемирии, и я полагаю, что перемирие это и соглашение об отступлении армии были предметы, на которые Бонапарт намекал в своем письме к фельдмаршалу словами: «прошу вас верить всему, что он вам будет говорить по делам чрезвычайно важным».

(«Записки сэра Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии». — «Русский Вестник», 1862, январь, стр. 161—163).

СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ ЧЕРНИШНЕ

По сведениям, доставленным партизанами, видно было, что неприятельский авангард, состоящий в команде Неаполитанского короля, Мюрата, до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог во-время иметь помощи. Фельдмаршал решился атаковать его. Невозможно было устранить от составления диспозиции генерала Бенигсена, начальника главного штаба всех действующих армий; не хотелось допустить участия в успехе, в чем, по превосходству сил наших, не было сомнения; он же, сверх того, предлагал вести сам войска, назначенные

к первой атаке. Положение места тщательно осмотрено, сделана диспозиция...

(«Записки генерала А. П. Ермолова в Отечественную войну 1812 года». — «Русская Старина», 1912, август, прилож., стр. 93).

На другое утро главнокомандующий выехал в лагерь, полагая найти войска под ружьем[1]. Но сколь велико было удивление и негодование его, видя, что люди, раздетые, лежат в биваках, иные варят кашу, другие поют. Кутузов был чрезвычайно вспыльчив. Толь, узнав наперед, что диспозиция не дошла до войск, предвидел бурю и остался в Леташевке. «Кто здесь старший квартирмейстерский офицер?» — спросил Кутузов, озираясь около себя. На свое несчастье отозвался подполковник Эйхен, начальник нашей канцелярии. Кутузов, вышед из себя, разругал этого благороднейшего человека ужасно. Потом, увидя ехавшего на маленькой толстой лошади в зеленой фуражке и солдатской шинели какого-то краснощекого, вскричал: «Это что за каналья?». Ехавший, остановясь перед Кутузовым и, побледнев, отвечал:

[1] Нападение на Мюрата не состоялось в назначенное время, так как диспозиция была доставлена с опозданием. Этим вызван гнев Кутузова.

«Квартирмейстерской части капитан Брозин, обер-квартирмейстер такого-то кавалерийского корпуса».

Кутузов возвратился в Леташевку, отменив атаку.

(«Записки А. А. Щербинина», стр. 38—39).

Фельдмаршал Кутузов, получив достоверное известие, что французская конница и многочисленный корпус под предводительством Мюрата сосредоточились у деревни Винковой, перед нашею позициею несколько вправо, решился возобновить военные действия. Вечером 5-го октября мы выступили из Тарутина, и сделав ночной переход, на рассвете очутились перед французами, которых наше появление привело в замешательство...

(«Офицерские записки князя Н. Б. Голицына», стр. 26).

Перед зарею войска стали в ружье. Кутузов был в центре армии. Вскоре потом граф Орлов-Денисов атаковал французов с тыла и разбил их, но пехотные колонны наши, долженствовавшие ударить во фланг Мюрата, в потьмах сбились с дороги в лесу и не могли поспеть в урочный час на назначенные места. Обстоятельство сие прогневило Кутузова, и он остановил наступательное действие центра. Находившиеся вокруг Кутузова генералы просили его о позволении

итти вперед. Решительный отказ был ответом Кутузова.

(А. И. Михайловский-Данилевский. — «Император Александр I и его сподвижники», стр. 50).

Генерал Милорадович прискакал к Кутузову, прося у него разрешение перейти в наступление и совершить движение для поддержки нашего правого фланга. Фельдмаршал с неудовольствием отверг это предложение. Генерал Ермолов также настаивал на этом движении, но также безуспешно.

Я находился возле фельдмаршала в тот момент, когда генерал Ермолов пытался доказать ему необходимость произвести фронтальную атаку. Кутузов приблизился к нему и сказал самым грубым образом, махая пальцем перед его глазами:

— Вы то и дело повторяете: пойдем в атаку; вы думаете этим заслужить популярность, а сами не понимаете, что мы еще не созрели для сложных движений, так как мы еще не умеем маневрировать. Сегодняшний день доказал это и я сожалею, что послушался генерала Бенигсена.

Ермолов отошел, ничего не ответив, и только сказал мне, пожимая плечами: «Делать нечего, любезнейший (он называл меня так со времени нашего примирения), пойдемте спать.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна», стр. 117).

ОТСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА ИЗ МОСКВЫ

1812 года октября 8 дня главнокомандующий князь Кутузов в главной своей квартире в Леташевке получил следующее донесение от генерала Дорохова, начальствующего легким отрядом и наблюдающего неприятеля между двух дорог, старой и новой Калужской. Генерал Дорохов доносил, что неприятельский отряд, в числе 10 тысяч, показался на Боровской дороге близ села Фоминского, имея будто бы предметом протежировать своих фуражиров и правым своим флангом прикрывать от партизанов и самые транспорты, по Смоленской дороге тянувшиеся. В то утро фельдмаршал еще не решался, кому вверить войска на поражение сего отряда. Он колебался в своем выборе между двух лиц—генерала Коновницына и генерала Дохтурова. Но вечером сей последний получил не только на сей счет предписание, но и самую диспозицию. Корпус, генералу Дохтурову тогда вверенный, состоял из 26 тысяч под ружьем, и именно: весь 6-й корпус в полном его составе, часть 4-го, легкая гвардейская кавалерия и часть конной Тульской дружины.

(«Из воспоминаний Д. Н. Болговского»,—Харкевич В.—«1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. 1-й. 1900, стр. 238—239).

Прискакав прямо к квартире генерала Коновницына, я нашел еще его работающим. Он, пораженный моим рассказом, тотчас пригласил графа Толя. Оба вместе, приняв от меня записку, пошли будить от сна фельдмаршала, а я остался в сенях той избы, где он покоился. Нимало не медля, он потребовал меня к себе и вот что я видел и слышал в сию незабвенную для меня эпоху. Старца сего я нашел сидящим на постели, но в сюртуке и в декорациях [1]. Вид его на тот раз был величественный и чувство радости сверкало уже в очах его. «Расскажи, друг мой, сказал он мне, что такое за событие, о котором вести привез ты мне? Неужели во истину Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердце, оно дрожит». Я донес ему подробно о всем вышесказанном, и, когда рассказ мой был кончен, то вдруг сей маститый старец не заплакал, а захлипал и, обратясь к образу Спасителя, так рек: «Боже, создатель мой, наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена». Он прорек, и все сбылось! Тут подал генерал Толь ему карту, и корпус Дохтурова получил повеление не следовать, а если можно, бежать к Малому Ярославцу, всевышним предопределенному, чтобы соделаться первой ступенью падения Наполеона.

(«Из воспоминаний Д. Н. Болговского», стр. 242—243).

[1] От французского décorations—ордена.

БОЙ ПОД МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ

Всю ночь с 11-го по 12-е[1], шел Кутузов с армией из Тарутина к Малоярославцу. Во мраке казалось войскам, что их ведут не против французов, но назад. На рассвете услышали они гул выстрелов со стороны Малоярославца. К неизъяснимой радости армии, она увидела, что не назад идет, но приближается к полю битвы. Не доходя до Малоярославца 5-ти верст, Кутузов велел сделать привал и сел посреди колонн на скамейку, приказав корпусу Раевского подкрепить Дохтурова, а Коновницыну подробно узнать о происходившем в Малоярославце. Вскоре Коновницын возвратился. Основываясь на его донесении, Кутузов, двинул армию вперед и построил ее позади Малоярославца на Калужской дороге. Неприятельские ядра перелетали через Кутузова; вокруг него свистели даже пули. Тщетно упрашивали его удалиться из-под выстрелов. Он не внимал просьбам, желая удостовериться собственными глазами в намерениях Наполеона, ибо дело шло об обороте всего похода.

(А. И. Михайловский-Данилевский — «Император Александр I и его сподвижники», стр. 53).

---

[1] Октября.

Сражение под Малоярославцем продолжалось до ночи; вице-король удерживал одну половину города, а мы другую.

Кутузов с главными силами армии занял позицию в полутора верстах от поля сражения.

Он имел горячий спор с полковником Толем, исполнявшим обязанности генерал-квартирмейстера армии. Этот молодой офицер настаивал на том, чтобы фельдмаршал двинулся с всеми своими силами против арьергарда Наполеона, который отступал. Кутузов предпочитал облегчить ему отступление. Толь, который должен был написать диспозицию в тот же вечер, сказал со своей обычной грубоватостью, что он не знает, что писать, так как может быть только одна диспозиция — идти вперед.

Кутузов, большой мастер на грубости, отвечал однако спокойно и с отеческой кротостью:

— Милый ученик мой, не будьте так упрямы и сделайте на этот раз из любви ко мне так, как я хочу.

Толь, поощряемый благосклонным тоном фельдмаршала, настаивал на своем и Кутузов начал уже раздражаться, но в это время подъехал генерал Бенигсен. Он приехал с поля сражения и торжественно сказал фельдмаршалу:

— Поздравляю вас, г. фельдмаршал, со вторым изданием сражения при Эйлау, которое Наполеон даст

вам сегодня. Французы намерены взять с бою позицию при Малоярославце, чтобы дать вам сражение.

— Слышите, — сказал Кутузов барону Толю, глядя с насмешливой улыбкой в сторону генерала Бенигсена, — слышите, генерал предсказывает мне повторение сражения при Эйлау. Опытный генерал говорит мне, что неприятель атакует меня завтра, а вы хотите, чтобы я действовал по-гусарски. Надобно приготовиться принять его достойным образом.

И, ударив Толя слегка по плечу, он сказал:

— Ступайте, ступайте, делайте так, как я сказал.

Но оказалось, что генерал Бенигсен ошибся и Кутузов принял, кажется, его мнение только для того, чтобы иметь аргумент против Толя.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна», стр. 119—120).

Городок переходил из рук в руки несколько раз; мы много потеряли народу, но удержались на месте в эту достопамятную ночь. На другой день двинулись было к Полотняным Заводам Гончарова, по направлению к Калуге, но вскоре, по распоряжению высшего начальства, приостановились. В этот же день, поздно вечером, к Кутузовской палатке собралось множество генералов для сообщения. Я был на ординарцах у графа Уварова, и помню, как Кутузов сидел на скамейке у огня. Он поддерживал рукой голову и долго молчал. Взглянув на Бенигсена, он сказал: «Генерал, вы устали, присядь-

те», и затем стал объяснять, что Наполеон ретируется на Смоленск по старой дороге, где все уже съедено, и что он с божьею помощию намерен преследовать и добить его полчища. Генералы изъявили свое согласие, и чуть свет утром войска русские тронулись по пятам французов боковым маршем.

(«Из записок покойного генерал-майора Н. П. Ковальского»,—«Русский Вестник», 1871, январь, стр. 97).

Между тем, как Наполеон употреблял новые усилия, бесцельные, безнадежные, вероятно душевные тревоги только в нем заглушавшие и умом не оправдываемые, — Кутузов, исполнив свой долг главнокомандующего, поставив быстрым и искусным переходом армию свою перед ним, как щит твердый, непроницаемый, сам под шумом гремевшего боя, почти под ядрами, спокойно заснул на бурке, под открытым небом. Я видел его, приехав к нему от Милорадовича за приказанием, вместе с другими, почтительно ожидавшими его пробуждения. Старость взяла свое неодолимое право. Ему шел тяжкий семидесятый год. Сделав свое главное дело, он смело мог в остальном положиться на своих сотрудников. Эта сцена осталась у меня в свежей памяти, никем не описанная.

(«Из памятных записок гр. П. Х. Граббе» — «Русский Архив», 1873, Т. I, стр. 481).

По истечении трех часов, проведенных в поспешных и усердных приготовлениях, около двух часов утра, генералы были вновь созваны к Кутузову: все, по собственному сознанию, собрались с одинаковыми подозрениями относительно этого призыва. Кутузов, сев в середине нашего кружка, коротко объявил нам, «что по донесениям, им полученным, он принужден оставить свое намерение защищать позицию перед Малоярославцем и решился отступить за Корицу для защищения калужской дороги и сообщения с Окой». От этого объявления, будто от громового удара, все остолбенели. Начались представления, что подобное движение, в такую минуту при невыгодах темноты и узкого пути отступления, не может быть исполнено без пагубного замешательства; что неприятель, заметив это без сомнения, будет стараться увеличить наше замешательство нападением, что если он воспользуется своею выгодой, то все войско подвергнется опасности, а арриергард неизбежной гибели. На усиленное представление мною этих соображений, фельдмаршал отвечал: «Не нуждаюсь в ваших возражениях: предпочитаю пропустить неприятеля по *золотому мосту* (pont d'or) как вы говорите, чем получить от него *затылочный удар* (coup de collier). При том повторяю, что уже говорил вам прежде: я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребление императора Наполеона и его армии было таким благодеянием для

вселенной; наследство его достанется не России или какой-либо другой из держав материка, но той державе, которая уже теперь господствует на морях и которой преобладание сделается тогда невыносимо».

(«Записки сэра Роберта Вильсона», стр. 178).

Узнав 14-го октября об отступлении Наполеона от Малоярославца, Кутузов немедленно передвинул армию на Медынскую дорогу, к Полотняным Заводам, и послал Платова с 15-ю казачьими полками и множество летучих отрядов для извещения его о движениях Наполеона. Через день получил он от них удостоверение в отступлении Наполеона на Смоленскую дорогу. Так увенчались полным успехом маневры Кутузова.

(А. И. Михайловский-Данилевский. — «Император Александр I и его сподвижники», стр. 54).

БИТВЫ ПОД КРАСНЫМ

Не найдя возможности остановиться в Смоленске, Наполеон выступил, ноября 2-го, из Смоленска к Красному. В тот же день двинулся туда Кутузов с Мстиславльской дороги, предшествуемый Милорадовичем. К изумлению Наполеона, ноября 3-го, русские стояли во фланге французской армии. Начались четырехдневные Красненские битвы...

(А. И. Михайловский-Данилевский. — «Император Александр I и его сподвижники», стр. 57).

К Красному мы пришли днем раньше французов и остановились-было на большой дороге. Но Кутузов расчел, что эта ширма может служить и западнею для Наполеона, и бесславием для Кутузова, ежели первый успеет прорвать ширму и уйти в глазах «спасителя отечества», ибо нельзя остановить целую армию. Он выбрал среднее: отошел в сторону версты три и, оставляя дорогу в виду у себя, начертал в уме, как нанесть ему удар сильнее обыкновенного... Но пламенный кн. Кудашев, зять его и советник, горя желанием — одним ударом решить судьбу Наполеона и России, установился на самой дороге, или, как говорится, лоб в лоб Наполеону! Я, по привычке, обскакал эту линию и Кудашев поручил мне просить светлейшего придать ему войска, но что он ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души. Едва я сказал фельдмаршалу, как он закричал на меня:

— «Скачи ты к этому... скажи ему, чтобы он сию же минуту оставил свое предприятие и очистил дорогу. Он ребенок и думает, что это идет дело с обыкновенным человеком; а не знает того, что его ожидает. Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов, как он, нельзя остановить без ужасной потери. Для нас довольно и очень довольно выгнать его из России и уничтожить посреди бегства».

(«Мой век или история генерала С. И. Маевского», стр. 161—162).

Генерал Милорадович послал меня к фельдмаршалу с известием о появлении Нея и о начале сражения.

От поля битвы до Красного, где находилась главная квартира Кутузова, было пять верст.

Моя превосходная лошадь пробежала это пространство с невероятной быстротою; я приехал к князю в ту минуту, когда он садился за стол.

Я был весь перепачкан и походил скорее на разбойника, чем на офицера; тулуп и накинутый поверх него попорченный бивуачными огнями плащ представлял собою удивительный контраст со свежими и элегантными костюмами щеголей главной квартиры.

Слушая мое донесение, фельдмаршал, при каждом моем слове, улыбался с видимым удовольствием, затем усадил меня подле себя, не дав мне пообчиститься, и любовался прекрасным аппетитом, с каким я пожирал его превосходный обед. Он приказал, однако, Дохтурову с его корпусом поддержать Милорадовича. Я осмелился заметить фельдмаршалу, что это бесполезно, и уверял его, что 15.000 пленных были уже в его руках.

— О, как прыток наш молодой человек! — Да уверены ли вы, что их 15.000 человек?

— Я хотел бы, чтобы их было 30.000, — отвечал я, продолжая есть с прожорливостью, — так как результат был бы один и тот же, и эти 30.000 человек бы-

ли бы ваши точно так же, как эти 15.000 уже принадлежат вам.

Его глаза засвёркали радостью. Когда я пообедал, он отослал меня обратно со своим зятем, князем Кудашевым, и мы были свидетелями окончательного поражения корпуса Нея.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна», стр. 371—372).

Когда в часу пятом пополудни сделалось Кутузову известным о множестве захваченных пленных, пушек и обозов и, наконец, фургона Даву, где нашли и жезл его, Кутузов пришел в восторг. Это был один только случай, при котором я видел его, пустившегося в галоп на белом мекленбургском коне своем. Он подскакал к колонне Преображенского полка и вскричал «ура», которое повторилось из верной груди великанов. Остатки Даву уплелись кое-как. Главная квартира заняла Красное. Милорадович поставлен был поперек дороги, лицом к Смоленску.

(«Записки А. А. Щербинина», стр. 48—49).

В сражении 5 ноября, заметя неудовольствие окружавших его, зачем не становится он на путь отступления Наполеона, Кутузов сказал: «За десятерых французов не отдам я одного русского. Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то

с чем придем на границу?» А сею границею, куда указывал Кутузов, была еще вся против России вооруженная и Наполеону раболепно повиновавшаяся Европа.

(А. И. Михайловский-Данилевский— «Император Александр I и его сподвижники», стр. 58).

Кутузов, на походе из Быкова, объявил, что *под Красным не будет более действовать как Фабий, но обнажит меч как Марцелл*[1]. Он достиг предела своих Фабиевых действий в два часа пополудни 4/16 ноября, когда получил донесение, что не далее трех верст (двух миль) от обозреваемого им места (Шилова) — в Красном находился Наполеон с своею гвардией и дивизией Клапареда, между тем как остальные его войска еще в Смоленске или на походе в Красной.

Громко и единодушно требовали немедленного наступления на Красной войска, построенные в маршевую колонну: по рядам раздавался крик: *Москва! Москва!* — Но у Кутузова достало духа отказать, и он велел армии стать на бивуаках кругом Шилова, в виду Красного и каждого из движений неприятеля.

[1] Квинт Фабий Максим — римский полководец; известен тем, что в войне с Карфагеном (217 г.) применил выжидательную стратегию. Марк Клавдий Марцелл—римский консул; при осаде Сиракуз (213 г.), несмотря на превосходство сил противника, заставил его капитулировать.

Опасаясь, однако, показать слишком решительное сопротивление желанию армии, столь сильно и явно выраженному, он объявил диспозицию «для нападения на неприятеля *на следующее утро»*. Таким образом, он намеренно и умышленно предоставлял неприятелю целый вечер и целую ночь на беспрепятственное отступление к Лядам и на соединение с войсками, идущими из Смоленска.

С рассветом 5/17 числа завидели неприятеля на его позиции: час проходил за часом, а исполнение данных накануне Кутузовым приказаний было остановлено по всей линии.

Все негодовали на это бездействие.

(«Записки сэра Роберта Вильсона», стр. 183).

Многие военные люди, описывая преследования главной нашей армии, упрекали князя *Кутузова* в непростительной медленности в отношении правил военных, в особенности английский генерал *Вильсон*. Но при тогдашнем положении дел, политические отношения закрыты для нас завесою тайны: легко может быть, что князь Кутузов при дальновидном своем соображении, при великой своей опытности, а может быть и в силу инструкции, им полученной, но нам неизвестной, не хотел приносить напрасно в жертву людей. Видя изнурение, видя бедствия, постигнувшие врагов, он видел ясно, что морозы, бури, долговременные марши

довершат уничтожение остатков полчищ нового Тамерлана, — следовательно, всякие сильные натиски стоили бы нам много лишней крови и не принесли бы более пользы, каковую мы впоследствии приобрели. В дополнение всему, конечно, и характер Наполеона входил в расчет его, ибо когда, не видя уже для себя никакого спасения, ему предстояло или сдаться в плен, или пасть на месте битвы, он бы наверное избрал последнее; но прежде, нежели бы сие воспоследовало, сколько бы пало людей наших, сколько бы пролить надлежало крови!

(«Воспоминания Я. С. Храповицкого о Березинской переправе», Военский К. — «Отечественная война 1812 года в записках современников». СПБ. 1911, стр. 43).

На дневке, вечером, часу в пятом, Кутузов, объезжая бивуаки, подъехал к Семеновскому полку. За ним ехало человек пять генералов, в числе которых были принц Александр Виртембергский, Опперман и Лавров, а позади их семь человек конногвардейцев везли отбитые у неприятелей знамена.

— «Здравствуйте, молодцы-семеновцы!» закричал Кутузов. «Поздравляю вас с новою победою над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры! Нагните орлы пониже! Пускай кланяются молодцам! Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня

взял 115-ть пушек и сколько-то генералов. Не помнишь ли ты, Опперман, сколько, именно?

Опперман отвечал:

— «Пятнадцать».

— Слышите-ли, мои друзья, 15-ть, т. е., 15 генералов! Ну, если бы у нас взяли столько, то остальных сколько бы осталось? Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не верится; а в Питере скажут: «хвастают»!

Затем Кутузов подъехал к палатке генерала Лаврова, командовавшего в то время 1-й гвардейской пехотной дивизией и расположившегося за Семеновским полком. Кутузов и прочие генералы сошли с лошадей и приготовились пить чай у Лаврова. Тут же кирасиры сошли с лошадей, стали в кружок и составили из знамен навес, вроде шатра. Кто-то из офицеров, подойдя к знаменам, стал читать надписи, на одном из них, вслух все те сражения, в которых отличался тот полк, которому принадлежало знамя, и в числе прочих побед прочел: «Аустерлиц!»

— «Что там, — спросил Кутузов, — «Аустерлиц? Да, правда! Жарко было и под Аустерлицем! Но омываю руки мои перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой! Вот, хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера, я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков, за Бородинское сражение, дал бриллиантовые кресты в награду. Говорят, что

бриллианты — принадлежность кабинета и что я нарушаю предоставленное мне право. Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь каждый, не только старый солдат, но даже и последний ратник, столько заслужили, что осыпь их алмазами, то они все еще не будут достаточно награждены. Ну, да что и говорить! Истинная награда не в крестах или алмазах, а просто в совести нашей...

...Постников закричал «ура»! спасителю России!» И громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску. Столь неожиданный возглас тронул каждого из присутствующих, а Кутузова, конечно, более всех. Он вдруг встал на скамейку и закричал:

— «Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату!». И потом, бросив вверх свою фуражку и сильно возвысив свой голос, закричал:

— «Ура! Ура! Ура! доброму русскому солдату...»

(«Записки И. С. Жиркевича». — «Русская Старина», 1874, август, стр. 659—661).

...Весь гвардейский корпус от старшего до младшего с обнаженными головами обступил бивак, чтобы наглядеться на любимого и обожаемого полководца и услышать от него еще что-либо приятное. И действительно не ошиблись в ожидании.

Светлейший, видя себя окруженным несколькими тысячами воинов, коих взоры устремлены были на своего

повелителя, как детей на отца, и согретые его присутствием не чувствовали в то время ни грязи под собой, ни дождя, обливавшего их, сказал:

— «Кто-то в Петербурге написал басенку, что как-то волк попал не в овчарню, а на псарню, и, увидя свою беду, стал договариваться и умолять, чтобы его пощадили. Но псарь сказал ему: «Ты сер», причем светлейший снял свою белую фуражку опустил ее к земле и, потрясая наклоненной головой, сказал: «а я приятель сед, меня не проведешь».

Слова сие одушевили воинов, и воздух потрясся от единодушной радости и невольно вырвавшегося восторга.

(«Из воспоминаний А. Я. Ваксмута», Харкевич; В.— «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. 2-й. 1903, стр. 222—224).

Трофеями Красненских сражений были 26.000 пленных, в том числе 6 генералов, 116 пушек, знамена, штандарты и несметный обоз. Убитым и погибшим от ран французам счета свести нельзя: вражеские трупы лежали кучами на полях и дорогах, в лесах и на Днепре. С нашей стороны выбыло из строя 2.000 человек. Малочисленность нашей потери объясняется искусными действиями Кутузова под Красным. Он не остановился с армиею на перерез пути Наполеона, но довольствовался истреблением по одиночке корпу-

сов его, рассчитывая, что каждый день дальнейшего отступления неприятелей, по причине голода, морозов и беспрестанных нападений на них, будет Наполеону истинным поражением, влача за собою гибель множества людей, а между тем русские войска оставались целы.

(А. И. Михайловский-Данилевский. — «Император Александр I и его сподвижники», стр. 57).

ГИБЕЛЬ «ВЕЛИКОЙ АРМИИ».

Кутузов, верный своему правилу ничего не делать на авось, не тронулся с места с главными силами армии, которые находились всего в 5 или 6 верстах от Вязьмы. Он слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, но несмотря на настояния всех значительных лиц главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя, который мог бы иметь последствием уничтожение бо́льшей части армии Наполеона и взятие нами в плен маршала и вице-короля.

...В главной квартире все горели нетерпением сразиться с неприятелем; генералы и офицеры роптали или жгли бивуаки, чтобы доказать, что они более не нужны; все только и ожидали сигнала к битве. Но сигнала этого не воспоследовало. Ничто не могло побудить Кутузова действовать, он рассердился даже на тех, кто доказывал ему, до какой степени неприятель-

ская армия была деморализована: он прогнал меня из кабинета за то, что возвращаясь с поля битвы, я сказал ему, что половина французской армии сгнила, что от нее дурно пахло, и что после ее прихода оставался особый запах, который наши солдаты прозвали французским запахом.

Он упорно считал все эти донесения преувеличенными и попрежнему верил в Наполеона, верил в его обаяние и в его хорошо организованную армию.

Кутузов упорно держался своей системы действий и шел параллельно с неприятелем. Он не хотел рисковать и предпочел подвергнуться порицанию всей армии.

(«Записки генерала В. И. Левенштерна», стр. 123).

Во время всех переходов от Тарутина до Березины, фельдмаршал Кутузов часто останавливался около дороги и смотрел на проходившие войска, иногда и под дождем; случалось, говорил солдатам:

—«Что, устали, ребята? Холодно? Ели ли вы сегодня? Нужно отстоять матушку Россию, надо догонять и бить французов!» и тому подобное.

На все это проходившие солдаты кричали:

«Рады стараться, ваше сиятельство!»

Обыкновенно он стоял или же сидел на простых складных креслах, в простом сюртуке и фуражке, без всяких принадлежностей своего сана, с неразлучною казачьею нагайкой на ремешке через плечо. Никак

мы не могли разгадать, для чего у него нагайка, тем более, что никогда не видали его верхом на лошади. Офицеры говаривали обыкновенно:

— «Хитрый наш старик Кутузов, знает он, как подобраться к солдатам».

(Н. Е. Митаревский. — Воспоминания о войне 1812 года, М., 1871, стр. 157).

Известие о переправе Наполеона через Березину достигло до главной квартиры на последнем переходе к Березине, утром, в 6-ть часов. Его привез адъютант великого князя Константина Павловича — Палицын, который был в летучем отряде графа Ожаровского. Вскоре после приехал М. Орлов. Досада Кутузова была чрезвычайна, но, не зная еще подробностей, он давал только приказания, как преследовать неприятеля до Немана, определяя направление всякому корпусу. Но когда впоследствии обнаружились действия всех главных начальников наших, он менее всех винил Чичагова: против него было то, что он потерял время добраться до Борисова, когда шел от Бреста на Минск. По всем расчислениям Кутузова, Чичагов мог быть на месте 5-ю днями ранее и этого времени было бы достаточно, чтобы обозреть все пункты, на которых могла совершиться переправа французской армии, сделать некоторые укрепления и рекогносцировать дорогу от Борисова на Бобр и далее.

Чичагову не должно бы переходить за Березину, а оставаясь в тет-де-поне и укрепив позицию сию, ожидать неприятеля. За реку же следовало ему пустить перейти по всем направлениям летучим отрядам. Такими действиями мог бы он знать с определительностию, где находится неприятель; следовать за его движениями и тогда не потерял бы авангарда и всех экипажей своих.

Партиям, от него посланным, надобно было сделать связь с главной армией и с Витгенштейном. Одним словом, летучие отряды Чичагова должны бы были извещать его о малейшем направлении французской армии. Вообще не понятно, а потому и не простительно, как мало знали русские генералы о направлениях наприятельской армии в собственной земле своей. Этой причине надобно приписать большую часть неудач в преследовании французов.

Кутузов оправдывал Чичагова, что стерег переход через Березину в направлениях к Игумену: ибо прямая операционная линия Наполеона была в Варшаве, на корпус князя Шварценберга. К тому же все направления, даваемые ему из главной квартиры, имели целью возбудить внимание его более на этот пункт. Для приведения в исполнение сего предположения, как и того, чтобы быть стражем всей Березинской линии, нужно ему было оставаться на центральном Березинском пункте и быть только извещенным во-

время о действиях французской армии лучше, нежели он был. Тогда Чичагов мог поспеть везде, где бы Наполеон не решился совершить переправу свою. Кутузов не одобрял Чичагова за то, что после взятия Борисовского укрепления, вздумал расположиться с[illegible] в Борисове и в медленном потом движении от Борисова через Стахово, что не дозволило ему воспользоваться невыгодностию положения неприятеля и д[illegible] сражение в загибе рукава, составленном заворотом Березины.

Он, впрочем, говорил с насмешкою: что простить даже можно Чичагову по той причине, что моряку нельзя уметь ходить по суше и что он не виноват, если государю угодно было подчинить такие важные действия в тылу неприятеля человеку, хотя и умному, но неведающему военного искусства и который, испытав на себе первую неудачу, не имел достаточно сведений, чтобы быть главным распорядителем в таком деле, где искусство, опытность и знание стратегии заменить должны бы были недостаток войск. Кутузов жалел, что не отрядил Толя к нему после сражения под Красным, чтобы придать Чичагову помощника в важном предназначении своем. Чаплица же называл он «коровою и дураком» и не оправдывал его ни в чем. Главное обвинение состояло в том, что с начала не дошел до Студёнки, не разглядел, что делают французы, не донес о настоящих приготовле-

х Наполеона к переправе и, когда она уже совер-
ась, головами колонн его, почему сам не пред-
ял направления своего на Зембин, уничтожая за
о мосты, которые как дефилей простирались до
верст. Чаплицу следовало держаться до нельзя;
учае беды ретироваться на Докшицы и присоеди-
ься к Витгенштейну, оставив на тракте к Бори-
у один летучий отряд, который бы дал знать Чи-
ову о его положении. Но Кутузов обвинял во всем
тгенштейна, который из самолюбия и нежелания
дчиниться Чичагову, изобрел множество предлогов
исполнить высочайшего назначения перейти за Бе-
езину. Левый фланг его должен бы был запять и
крепиться в Лепеле, а ему самому следовало из-
рать среднюю линию перед Докшицею и иметь силь-
ный отряд по Зембинской дороге. Таким образом
соединение с Чичаговым было бы совершено и все
пункты, возможные для переправы Наполеона, были
бы обеспечены, и армию его можно было остано-
вить на несколько дней; куда бы он ни сунулся,
везде действовать было возможно с соединенными
силами.

За рекою достаточно было оставить корпус от 10
до 12 тысяч с приказанием следить армию француз-
скую и, избегая сражения, действовать только при
переправе.

Сражение же при Студёнке делает мало чести
графу Витгенштейну. Имея перед собою один

корпус Виктора, расстроенное войско и переправу трудную, ему следовало в этот день действовать решительнее.

Кутузов говорил, что отдельные действия Витгенштейна оправдать нельзя, а могут они только прощаться ради тогдашней славы его, ради изгнания неприятельской армии из России и совершенного поражения ее на других пунктах; — что бог довершит то, чего не умели сделать отдельные русские генералы. Кутузов после сражения под Красным рассчитал, сколько маршей Наполеон имеет впереди и, не полагая более настичь его во-время до Березины, решился не изнурять войско свое усиленными маршами. К тому же он избегал дать сражение с главною армиею, ибо она ежедневно сокращалась от переходов. Он почитал необходимым дойти с нею на Неман так, чтобы головы колонн его были целы. Зная, что в короткое время хвосты полков подойдут, он говорил: «Я желаю, чтобы существование большой нашей армии стало для Европы действительностию, а не химерою: хотя она и уменьшается во время похода, но месяц отдыха и хорошие квартиры снова ее поставят на ноги. Только это решит вопрос и привлечет Германию на нашу сторону».

(«Записка о войне 1812 года кн. А. Б. Голицына», стр. 77—80).

Проходя с отрядом моим по большой дороге на Вильну, на ночлег приехал неожиданно князь Кутузов и расположился отдохнуть. Немедленно явился я к нему, и продолжительны были расспросы его о сражении при Березине. Я успел объяснить ему, что адмирал Чичагов не столько виноват, как многие представить его желают. Не извинял я сделанной ошибки движением к Игумену; не скрыл равномерно и графу Витгенштейну принадлежащих. Легко мог я заметить, до какой степени простиралось неблагорасположение его к адмиралу. Не нравилось ему, что я смел оправдывать его. Но в звании моем не ловко было решительно пренебречь моими показаниями, и князь Кутузов не предпринял склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он принял на себя вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину, и уверял (хотя не уверил), что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что доселе готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, но чтобы никто не знал о том.

(«Записки генерала А. П. Ермолова в Отечественную войну 1812 года». «Русская Старина», 1912, сентябрь, прилож., стр. 130).

Всей армии, подвергшейся неимоверным трудам и лишениям, необходим был отдых. Она медленно подвига-

лась к берегам Березины, где, как известно, Чичагов мог истребить остатки неприятельской армии, но поступил с столь несчастною оплошностью. В Вильне князь Кутузов однажды воскликнул у себя за обедом, когда произнесли тост победителю: «Ах, не все сделано! Если бы не адмирал, то простой псковской дворянин сказал бы: — Европа, дыши свободно!» Он намекал на возможность взятия самого Наполеона.

(«Записки А. А. Щербинина», стр. 50—51).

...Кутузов распорядился неослабным преследованием неприятелей к Вильне. Он поручил главную армию Тормасову, а сам отправился в средоточие отдельных армий, для личного руководства ими на конечное истребление французов, уже не предводимых более Наполеоном... Жалкие остатки полчищ его, порученные Наполеоном Мюрату, продолжали бегство к Вильне. Теснимые со всех сторон Кутузовым, они не могли остановиться в Вильне и устремились за Неман. Кутузов немедленно отправился в Вильну, коль скоро получил донесение о занятии сего любимого им города, где дважды был он военным губернатором. Ноября 30-го приехал он в Вильну. Мгновенно произошла в главной квартире его разительная перемена против того, что привыкли мы видеть в ней со времени прибытия его к армии, в Царевом-Займище.

Вместо разоренной деревушки, наполненной одними,

кочевавшими в ней военными и должностными людьми, вместо крестьянской избы, куда вход бывал прямо из сеней, и в которой видали Кутузова на складных креслах, облокоченного на планы и карты, борющегося с первым полководцем нашего века, явился замок, вокруг заставленный каретами, колясками, санями. Толпы дворян и чиновников, в губернских русских мундирах, пленные генералы и офицеры всех держав, иные на костылях, страждущие, бледные, другие бодрые, веселые, депутаты университета, города, еврейских кагалов, поэты с одами, все теснились на крыльце, на лестнице и в залах Кутузова. В театре давали представление, где на сцене сияло ярко освещенное изображение Кутузова, с надписью: «Избавителю Отечества».

Начальники театрального управления просили Кутузова удостоить театр посещением своим, готовя ему торжественную встречу. Он не принял приглашения, остался в замке, и в тот же вечер разослал в армии и отдельные корпуса заблаговременно составленные им распоряжения о дальнейших действиях. Они имели целью преследовать Мюрата и вытеснить из России отдельные корпуса князя Шварценберга, Макдональда и Ренье.

...Кутузов направил войска в обход сих неприятельских корпусов, и они поспешно отступили за пределы

наши. Тем заключил Кутузов действия свои в Отечественной войне.

(А. И. Михайловский-Данилевский. — «Император Александр I и его соподвижники», стр. 61—62).

Несколько перед сим дней разговор князя Кутузова со мною в точных его выражениях:—«Голубчик! Если бы кто два, или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я право плюнул бы тому в рожу!»

(«Записки генерала А. П. Ермолова», «Русская Старина», 1912, сентябрь, прилож., стр. 132 — примечание).

Действия фельдмаршала в течение всей кампании были так прекрасны, что смело могут выдержать исследования самой придирчивой критики. Ему можно поставить в упрек только две ошибки, но первая из них, заключающаяся в том, что он дал Бородинское сражение, была вынуждена политическими соображениями; что же касается до второй, состоящей в отступательном движении 14-го октября из-под Малоярославца в Гончарово, то признаюсь, что для оправдания ее не существует ни одного сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Но как должен быть велик этот полководец, который в течение четырех месяцев самой

деятельной кампании совершил лишь одну ошибку! К тому же взамен этой ошибки столько прекрасных действий, из которых любого было бы достаточно, чтобы упрочить репутацию полководца! Переход с Коломенской дороги на Калужскую, от Тарутина к Малоярославцу, фланговое преследование, переход от Ельны к Красному и мудрые соображения сражений под Красным являются образцами военного искусства, которые всегда будут вызывать удивление знатоков. Низкая зависть и другие столь же низменные страсти могут временно омрачить память Кутузова, но потомство, более справедливое, не преминет поставить его, как спасителя отечества, наряду с Пожарским, а как великого полководца — наряду с Суворовым.

(Д. П. Бутурлин — «Кутузов в 1812 году», стр. 152).

ОГЛАВЛЕНИЕ